

Научная картина XXI века представляет мир не как механическую систему, а как мир потокового Процесса и комплексного произведения. Поэтому в творчестве становится важным выражение места как Процесса, характеризующегося совокупностью необратимых и взаимосвязанных круговых изменений в динамическом порядке сети взаимодействий. Такое рассмотрение соответствует поэтике пространства или топоанализу мест. Кибернотопически-потоковая поэтика пространства предлагает изучение истоков образа не на основе отдельных атомарных единиц-образов, а на основе целостных процессов, встроенных в биосферные потоки.

Ключевые слова: теория; кибернотопика; нелинейность; место; потоки; процесс; поэтика.

The scientific picture of the 21st century presents the world not as a mechanical system, but as a world of streaming Process and complex work. Therefore, it becomes important for creativity to express place as a Process characterised by a set of irreversible and interconnected circular changes in the dynamic order of the network of interactions. Such a consideration corresponds to a poetics of space or a topoanalysis of places. The cybernوتopically streaming poetics of space proposes the study of the origins of the image not on the basis of individual atomic units-images, but on the basis of holistic processes embedded in biospheric flows.

Keywords: theory; cybertopics; nonlinearity; place; flows; process; poetics.

Кибернотопически-потоковая поэтика пространства / Cybernotopically streaming poetics of space

текст

Злата Гаевская
Санкт-Петербургский
политехнический
университет Петра
Великого

text

Zlata Gaevskaya
Peter the Great St.
Petersburg Polytechnic
University

Введение

В настоящее время происходит изменение мировоззренческих, теоретических основ архитектуры. Человеческое общество переходит от модернистской функционально-ориентированной модели Мира к постмодернистской, коммуникативно-ориентированной. Коммуникация – это не только термин человеческого общения, но и сложный феномен постмодерна, подразумевающий, что «субъекты коммуникаций отныне соединяются не линейными, а нелинейными обратными связями, обусловливающими взаимовлияние, изменение самих субъектов и характера коммуникаций в процессах» [1, с. 118].

Рубеж ХХ–XXI вв. потребовал изменения человеческого мышления. М. Н. Эпштейн отмечает: «Уже нельзя ограничиваться построением отдельных зданий (учений, систем) – нужно создавать нооценоз, интеллектуальную среду обитания, логические объемы и переходы, которые часто остаются незамеченными, потому что мы живем в них, как горожанин – в многоплановой искусственной среде» [2].

Такой подход близок рассмотрению Ремом Колхасом города как сложнейшего живого организма («Нью-Йорк вне себя»). Осознанное проектирование города должно строиться на отказе от квартальной решетки проектирования и вводе новой системы ценностей, основанной на понимании его как паутинного переплетения потоков (природных, людских, транспортных, денежных, хозяйственных, информационных и т. д.). Эти потоки в городе, переплетаясь, устанавливают политические, культурные, социальные, экономические связи в метаболической паутине жизни и отражаются в его поэтике.

Такое потоковое понимание города требует выхода из декартовой системы координат. Пионерами в этой области исследования можно считать Клода Парента и Поля Вирильо, которые в рамках группы «Architecture Principle» в 1963 году отказываются от архетипических пространственных компонентов – таких как колонны, стены, крыши – и используют наклонные поверхности [3]. Для них становятся важными поощрения потока и демонстрации движения и текучести. Они интуитивно почувствовали необходимость ухода от вертикальных городов, создающих однообразные и монотонные формы искусенного рельефа. Их правоту убедительно

раскрывает геоморфолог Н. А. Флоренсов, рассматривающий всемирную урбанизацию как «расширение сферы антропогенного рельефа за счет естественного, идущее одновременно с большой скоростью из множества центров на всех материках и создающее формы искусственного рельефа даже более однообразные и монотонные, нежели это делают природные процессы» [4, с. 203]. В природе однообразие и монотонность губительны, так как разнообразие является важнейшим свойством всех экосистем.

Реальные модели социальной жизни в настоящее время втиснуты в жесткие планировочные сетки антропоценетических планов и в компактные строительные блоки. Капиталистическая детерминация, навязанная современному городу, превратила его в машину с социальными атомами. Негативные аспекты такой урбанизации в том, что антропогенный массоэнергобмен в качественном и количественном отношении, в отличие от биотического круговорота веществ, почти не образует замкнутый цикл.

Урбанизм всегда выявлял решающие качества современности, и функционально-ориентированная модель Мира представляла город как машину; это оформлялось в ограничительном единобразии вертикальных городов. Переход к коммуникативно-ориентированной модели Мира невозможен без понимания того, что наша постиндустриальная эпоха под давлением современного экологического кризиса требует кэволюционного плаэтарного мышления.

Теоретические поиски Клода Парента и Поля Вирильо должны быть дополнены поиском сути поэтики традиционных паттернов жизнеустройства в конкретном месте и кэволюционным планетарным мышлением, подразумевающим необходимость сохранения Биосфера и встраивания в ее законы. В статье «Градостроительная кибернотопика: образ-метабола» продемонстрирована возможность ментального показа сопряжения социальных, хозяйственных и природных потоков в конкретном месте на примере традиционного крестьянского ландшафта [5]. Декартовы городские формы и планировка территории не отвечают требованию времени – потоковому пониманию города на основе динамизма, текучести, непрерывности, мобильности и показа следов

прошлого и будущего в синхронно настоящем в поэтике пространства.

Таким образом, от застывших типологических композиций городов необходимо перейти к новому видению города, визуализирующему потоковый Процесс и его поэтику (от греческого «творить»). Восприятие архитектурно-пространственных объектов как носителей поэтических образов соответствует видению Гастона Башляра (1884–1962), для которого был важен показ в образе его собственной динамики и бытия. В доктрине Гастона Башляра важны мотивы феноменологии и поэтического творчества (см.: Поэтика пространства, 1958). Для него вещь не что иное, как остановленное явление (от греческого «феномен» – явление). Феноменология связана с именем Эдмунда Гуссерля (Логические исследования, 1900–1901), создавшего феноменологию на рубеже XIX–XX вв., и представлена в трудах М. Хайдеггера, М. Мерло-Понти, Э. Левинаса и др. Для Гастона Башляра характерно феноменологическое отношение к искусству как опыту проживания, близкое утверждению Э. Гуссерля, что суть вещей выявляется только в отношениях с миром. Но любой феномен общественной реальности, его бытийствование будет символически окрашиваться в те тона культуры, которые задаются природным текстом и определяются пространственно-временным континуумом жизни конкретного места (единство природы, жизнеструктуры и мышления).

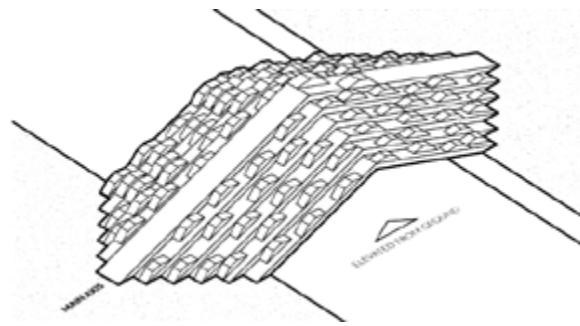
Разгадывание искусства как загадки видения (по М. Хайдеггеру) может быть построено на том, что топология бытия подразумевает отсутствие в пространстве пустых мест и разрывов. Для искусства также важно отношение между объектами и различие между ними. Поэтому становится важным поиск возможности построения такой художественной системы пространства, где все связано, все целостно, едино и определяется биосферными процессами. Образная сфера пространства должна быть построена на вневременном отпечатке метафизического плана бытия и космопланетарном временном масштабе. Творчество может пониматься не только как творчество человека, но всей Природы и Космоса.

В предлагаемом новом научном направлении – кибернотопике процесс является основополагающим, и формирующие его потоки являются одним из способов выполнения процесса месторазвития и ресурсом, изменяющим его поэтический образ. Потоки являются своеобразными программными кодами, которые можно выявить на основе социокодов (М. К. Петров). Для изучения возможностей создания образа не на основе отдельных атомарных единиц-образов, а на целостных формациях или процессах, встроенных в биосферные потоки, рассмотрим традиционный крестьянский ландшафт, так как его организация была тесна связана с Природой.

Метод

Господствующий сегодня в градостроительстве средовой подход, построенный только на внимательном отношении к окружающей среде, не учитывает понятия процесса, потока и связанного с ними движения. Клод Парент и Поль Вирильо еще в 1971 году показали возможность нарушения в архитектуре классического и модернистского правила ортогональности, поощрения потока и показа дисбаланса, движения и текучести (рис. 1).

Постмодернизм в архитектуре возник во 2-й половине 1960-х годов как реакция на модернизм. Проекты модерна характеризовались унифицированностью формального языка и равнодушием к градостроительному, историческому и иным контекстам, окружающим объект проектирования. Переход от индустриального общества к постиндустриальному в культуре 2-й половины XX – начала XXI вв. ознаменовался наступлением эпохи постмодерна, характеризующейся принципами плурализма, незавершенности, децентрализации и фрагментарности.

< Рис. 1. Городской мост. 1971. 3D-модель на основе архивных рисунков Клода Парента. Ertuğ Erpek, Esin Kömez Dağlıoğlu [3]

«М. М. Бахтин, утвердивший категорию незавершенности в сознании наших современников, отмечал сожалением: «На первом плане у нас готовое и завершенное. Мы и в античности выделяем готовое и завершенное, а не зародышевое, развивающееся» [6, с. 20].

Видение мира как зародышевого и развивающегося предполагает кибернетика второго порядка: У. Р. Эшиби, Г. Бейтсон, Х. Фёрстер и другие ученые. Кибернетика второго порядка, в отличие от одномерной винеровской, где управление сложностью строится только на реагировании на изменения в объекте управления, является многомерной, уже учитывающей тенденции изменений в объекте управления. В ней объект управления включается в эволюционную систему пространства и времени. Архитектура может быть динамической и отзывчивой, способной к коммуникации, взаимодействию и адаптации.

Градостроительство можно рассмотреть как гомеостаз, то есть систему, которая стремится поддерживать параметры своего существования в динамическом равновесии. Культура может выступать в виде средства поддержания гомеостазиса. Целью гомеостатического процесса в градостроительной кибернотопике может быть месторазвитие (термин введен П. Н. Савицким). В месторазвитии подчеркивается именно взаимодействие людей с территорией, а не детерминация, и главным является симбиоз, органическая целостность между социоисторической средой и географической обстановкой. Таким образом, место промысливается, выбирает опыт жизнеустройства людей, конструируется и имеет человеческое измерение.

Одним из важнейших теоретических положений в кибернотопике является понимание градостроительства как ткани, ковра, сформированное природной основой и продуцирующей «следы» прошлых потоков и эпох. Узнавание «следов» потоков и знаков возможно на основе социокодов. Поток является всегда кодом, который должен быть выполнен в процессе. Термин «месторазвитие» удачно фиксирует процесс жизнеобустройства в конкретном месте. В развитии любого общества важны ценностные приоритеты, выраженные в социокодах. Ценностные приоритеты доиндустриального, индустриального и постиндустриального общества представлены в таблице 1.

Коэволюционный симбиоз живого с территорией требует в концепции месторазвития определения ценностных парадигм, которые являются основой социокодов. Парадигма социокода выражает набор общепринятых правил, норм и символов, определяющих поведение и взаимодействие людей в природной среде. Социокод, заложенный в понятии месторазвития, выражается в его поэтике и базируется на развитии конкретного места.

Хозяйственная деятельность человека отпечатывается пространственно и ландшафтно. В месторазвитии хозяйственная деятельность находит соответствующее ей природное окружение и вступает с ним в нерасторжимую связь. Конструирование месторазвития возможно на основе поиска сопряженности разноплановых явлений и выведения в междупланной связности закономерно-

го строя. В месторазвитии процесс изолирован. Процесс – это своеобразная программа в стадии выполнения, направленная на поддержание паттерна системы как характерной конфигурации взаимоотношений, ибо любая структура – это, прежде всего, проявление процесса, лежащего в ее основе. Потоки (природные, людские, транспортные, хозяйствственные, информационные), находящиеся внутри этого процесса развития, являются структурно-формирующими факторами, определяющими средовые ситуации как паттерны. Потоки нужны для выполнения кодов процесса. Введение потоков в процесс важно для неразрушения природы и прошлого.

В месторазвитии происходит выборочное реагирование на воздействие среды на основе культуры как системы надбиологической программы жизнедеятельности. В этих программах большую роль играет опыт предыдущих взаимодействий в триаде «природа-население-хозяйство», которые закреплены в социокодах традицион-

ного крестьянского ландшафта, отражаемых в поэтике пространства.

Результаты и обсуждения

Модерн разрушал и деформировал природу и прошлое. Для постмодерна как духовного состояния характерно обращение к теме экологии. Постмодерн является геокультурным проектом. Постмодерн кибернотопическое проектирование вдоль экологической оси должно учитывать пророческое изречение В. И. Вернадского, который еще в 1934 году писал: «Но только эта природа не аморфна и не бесформенна, как это веками считалось, а имеет определенное, очень точно ограниченное строение, которое должно, как таковое, отражаться и учитываться во всех заключениях и выводах, с Природой связанных. Это “строение” очень своеобразно. Это не есть механизм и не есть что-нибудь неподвижное. Это – динамическое, вечно изменчивое, подвижное, в каждый момент меняющееся и никогда не возвращающееся к прежнему

> Таблица 1.
Ценностные приоритеты доиндустриального, индустриального и постиндустриального общества

Доиндустриальное общество Премодерн (общество традиции) Традиционный крестьянский ландшафт	Индустриальное общество. Модерн Линейное градостроительство	Постиндустриальное общество Постмодерн Нелинейное градостроительство
Мифологическая система миропредставления	Функционально-ориентированная модель Мира	Коммуникативно-ориентированная модель Мира
Земледельческое мировоззрение. В его эстетике отражалась символика плодородия	Антропоцентрический взгляд на природу (господство человека над природой)	Признание самоценности природы
Устойчивая система, отражающая извечную взаимосвязь с окружающим миром природы	Природа как вместилище градостроительных объектов	Вписывание градостроительных объектов в ландшафтные ниши
Народное мироощущение Бережное отношение к ресурсам	Ресурсы практически не ограничены	Сбережение природных, демографических, хозяйственных ресурсов. Учет хозяйственной емкости Биосферы
Патриархальная семья. Община, коллективность. Натуральное хозяйство	Иерархическое общество. Социальная атомизация. «Права собственности». Границы – иерархические структуры, ограничивающие участки и системы застройки	Сотрудничество в обществе. Гибкая, изменчивая, эволюционная и открытая застроенная среда. Поощрение потоков
Красота и целесообразность форм в целостной картине бытования (постройки, народные костюмы, предметы быта и т. д.). Гармония между духовным и материальным миром	Индустриальные вертикальные города Примат материального. Предметоцентризм	Город как антропогенный рельеф, вписанный в Биосферу. Топологическое пространство
Образ как целостная картина бытования крестьянина в органичной для него культурно-исторической среде	Унифицированность формального языка. Равнодушие к контексту места (градостроительного, исторического, природного и иных) Образ-метафора	Кибернотопика. Геокультура. Образ-метабола Внимание к традиции как отголоску генетической памяти в метаболической паутине жизни
Отзвуки языческого представления о мире и представление о его упорядоченности. Для крестьян было важно соотношение элементов в триаде «природа-население-хозяйство» не только между собой, но и во времени и пространстве	Жесткие планировочные сетки антропоцентрических планов	Топологическая сетка. «Ковер», сформированный природной основой и продуцирующий «следы» прошлых потоков и эпох. Узнавание «следов» потоков и знаков на основе социокодов в поэтике пространства
Месторазвитие. Языческое представления о мире и представление о его упорядоченности. Орнамент с тысячелетней семантической историей	Единообразность	Месторазвитие. Место конструируется на основе поэтики пространства и встраивается в законы Биосферы

образу равновесие. Ближе всего к нему живой организм, отличающийся, однако, от него физико-геометрическим состоянием своего пространства. Пространство биосферы физико-геометрически неоднородно. Я думаю, что удобно определить это строение особым понятием организованность» [7, с. 385–386].

В. И. Вернадский сформулировал представление о Природе нашей планеты как о целостной материальной системе. Ее шарообразная форма обуславливает закономерный угол падения солнечных лучей от экватора к полюсам и главную географическую закономерность – географическую зональность компонентов и комплексов географической оболочки. Солнечные лучи – прежде всего поток энергии, излучаемый Солнцем и дающий тепло и свет. Формы предметов, их цветовые тона, яркость и оттенки порождаются Солнцем, и мы их воспринимаем нашими глазами. Цвета предметов определяются цветом смеси отражаемых ими лучей (одуванчик – желтый, трава – зеленая [по С. В. Зверевой]). На планете Земля действуют великие законы гармонии в распределении вещества, энергии и информации. Академик А. Е. Ферсман, анализируя краски почв, отмечал: «В нарисованных выше картинах мы видели замечательную закономерность в ходе окрасок: от полярных широт до солнечных пустынь и глубин океанов цвета сменялись в таком порядке: белый, серый, желто-бурый, коричневый, красно-коричневый, красный, красно-черный, черный. И снова при высоких температурах, в условиях солнца, света, тепла наиболее темные непрозрачные тона» [8, с. 22].

Архитектуре и градостроительству требуются теоретические разработки по выявлению великих законов Природы в поиске закономерностей традиционного крестьянского ландшафта. Выдающийся русский и советский географ-универсал В. П. Семенов-Тян-Шанский еще в 1928 году подчеркивал:

«Известно, что не только формы земных предметов в своем распределении по поверхности нашей планеты имеют свою строгую географию, но ею же обладают и природные тона пейзажа. Так, сибирская и уральская тайга имеет издали общий сильно синеватый тон, а тайга Фенно-Скандинии – гораздо более темно-коричневатый, стволы сосен на Русской равнине снизу серы, сверху красно-оранжевые, а на Северо-Германской равнине – сильно черноваты и т. д. <...> Так, на почти исключительно зеленом в общем весной и летом фоне великой Русской равнины, с ее лесами, лугами, степями и недозревшими еще полями до страды, наиболее эффектный контраст в солнечную погоду производят оптически дополнительные к зеленому красный, малиновый и розовый цвета,ственные спелым ягодам, маку, шиповнику, кипрею лесных гарей, красному грибу и мухомору. В то же время у него имеются твердые понятия о синем и голубом, тогда как у немцев и французов то и другое обозначается общим словом *blau*, *bleu*. Вместе с тем красный и малиновый цвета представляются русскому более или менее самостоятельными» [9, с. 263–264].

В предлагаемом новом научном направлении – кибернетопике мир большой и малый, вселенная и человек тесно взаимосвязаны. Планировка поселений и их архитектура должна стать выразителем глубинных определенных общностей в организации между природой, населением, хозяйством. Необходимо понимать отношение «природа-пространство» в ракурсе воздействия распределения вещества, энергии и информации, так как пространство пронизано движением как внутренним в этом пространстве, так и проникающим, выходящим из этого пространства в другие.

Народные плотники-зодчие интуитивно чувствовали пронизанность движением пространства и внимательно изучали места для строительства деревень. Социальное пространство и природное пространство в традиционном крестьянском ландшафте трехмерно и было связано

с Землей-матерью и оппозицией восток-запад, север-юг, выше-ниже и т. д. Для крестьян было важно соотношение элементов в триаде «природа-население-хозяйство» не только между собой, но и во времени и пространстве. Крестьянин на интуитивном уровне чувствовал, что он лишь частичка метаболической паутины Жизни.

Крестьянин понимал, что лучше использовать под жилую застройку южные склоны, так как южные склоны холмов нагреваются сильнее северных, а западные – сильнее восточных. Народный зодчий, возводя избы на южном склоне, сокращал теплопотери в жилище, уменьшал площадь затенения, увеличивал естественную освещенность. Для крестьян пространство было не вещью, а сетью отношений между вещами (объектами, продуктами), встроенным в более глобальную метаболическую природную паутинную сеть. К примеру, крестьянские избы располагались красным углом на восток, навстречу возникающему дню.

На примере традиционного крестьянского ландшафта рассмотрим, как образовывалась кибернетопически-потоковая поэтика пространства. Для творческого претворения традиций важен поиск тенденций и закономерностей формообразования. Для приведения к единству и согласию каждый элемент в месторазвитии нужно привести в положительное согласие с другим как определенной формой всеединства. Дом для крестьянина был «узелком» природной сети, включененной в биогеохимические процессы Биосфера: солнечная энергия диктует Земле два круговорота веществ – большой (геологический, биосферный, включая водный) и малый (биологический).

Крестьянин не только оценивал природные явления для своего жизнеустройства, но и создавал ментальные комплексы обрядовых действий для управления стихией Природы. Дом для крестьянина был фундаментальной и внеоконкурентной ценностью жизни. На рис. 2 можно заметить тесную корреляционную связь (по сочетанию форм, тонально-ритмическим и орнаментальным решениям) между народным костюмом и предметами быта в избе. Костюм молодой женщины отражает теснейшую связь между народным костюмом, предметом быта и суповой природой Севера, характеризующейся неярким светом дней, белыми ночами и голубым цветом рек и весенней нежности. Стоит отметить, что каждая воздушная масса определяется своими метеорологическими параметрами (влажностью, температурой, скоростью ветра, своей зарею и т. д.). Кроме того, весной и в первой половине лета для Севера характерен мягкий желтый цвет цветущих лугов. Цветовые спектры местной природы скромны.

Колористические решения в народных костюмах – это своеобразная матрица восприятия конкретного места в сложной колористической комбинаторике. Причем полихромный максимум для выделения из среды – это одежда молодой женщины. Красители для ткани делались из растений: красный цвет из мари белой (лебеды), корня грешника или подмаренника мягкого (косма-травы); желтый цвет – из цветов купальницы, бессмертника; синий цвет – из дикого калгана и т. д. (по Л. Г. Тимошенко).

И. С. Веселова, Ю. Ю. Мариничева, Л. Ф. Петрова (Матвиевская) подчеркивают: «Цветовой «набор» мира колыбельных песен беден по сравнению с цветовым богатством и изобилием мира вокруг, но он учит первому принципу народной колористики: контрастности по насыщенности-светлоте (яркости/бледности) и цветовому тону. Увеличение колористического репертуара дает возможность управлять цветностью мира: от стремления к совпадению цвета среды и предмета (например, достигая незаметности рыболовной сети в воде) до предельного контраста нарядности – максимальной выделенности из среды» [11, с. 33].

Синий и красный цвет в северных костюмах был в контрасте с желтым и зеленым цветами весенних цветов лугов, желто-медными «бабками» ржи (первичными кладями спонов) и темно-зеленым цветом хвойных деревьев, желтый – с синевой рек и неба.

Кроме этого, В. П. Орфинский, характеризуя деревянное зодчество Карелии, отмечает: «Светлые наличники окон с яркими вкраплениями деталей, контрастно и силуэтно читаются на фоне темных бревенчатых стен. Окрашенная чаще всего в зеленый цвет выкружка оснований балкона четко воспринимается на фоне свесов крыши, обычно окрашенных в насыщенный красный цвет, а те в свою очередь выделяются на фоне белесого северного неба. <...> В Карелии... применялись в основном контрастные сочетания немногих цветов – белого (реже желтого), красного и зеленого (реже синего), причем смелое применение таких дополнительных цветов, как красный и зеленый, усиливало хроматический контраст [12, с. 33].

Таким образом, цвета в одежде вторили цветам предметов быта, построек и природы или были с ними в контрастных соотношениях. Образовывался замкнутый цветовой ментальный круг в триаде «природа-население-хозяйство», отражавший особенности Севера и поэтику процесса его месторазвития.

Можно увидеть сходство, подобие силуэта северного народного костюма (динамичному и вытянутому по вертикали) очертаниям леса и зданиям, «бабкам» убранной ржи и т. д. Кроме того, в северном народном костюме можно увидеть сходство (подобие) форм его составных частей: трапециевидный силуэт сарафана вторит форме душегрея или бострога, повторяет его силуэтные линии, только в меньших пропорциях (по Т. Н. Тропининой).

Стоит отметить, что «севернее, в Архангельской области, сквозная резьба становится преобладающей, поскольку обеспечивает силуэтное восприятие деталей, а силуэт в условиях Севера – важнейшее средство архитектурной выразительности. Одновременно, по мере

> Рис. 2. Подвенечный наряд невесты Каргопольского уезда Олонецкой губернии. 1-я половина XIX века [10, с. 44]

продвижения на север, происходит изменение характера орнамента в сторону большей его геометризации и укрупнения. Эта общая тенденция распространяется и на Карелию» [12, с. 43].

Суровая природа Севера диктовала необходимость увеличения запаса материала, его укрупнение, поэтому форма становилась лапидарной (следовательно, более прочной). В традиционном крестьянском ландшафте крестьяне интуитивно понимали метаболическую паутину естественной среды и взаимосвязь движения потоков в триаде «природа-население-хозяйство» и старались их выразить в своих материальных паттернах.

Теперь рассмотрим южнорусский костюм (рис. 3).

Для Юга России характерна необытность широких полей, освещаемых ярким южным солнцем. В праздничном женском костюме Воронежской губернии заметна большая статичность, чем в северных костюмах, прямоугольные формы, более темные насыщенные цвета (кирпично-красные, черные) и преобладание горизонтальных линий, больших вытянутых по горизонтали коричневых (черных) полос и прямоугольников. Дородность женщин воронежском губернии хорошо подчеркивалась их народным костюмом, также построенном на сходстве форм основных частей.

Таким образом, в традиционном крестьянском ландшафте место было очеловечено, прочувствовано и промыслено (в хозяйственной деятельности и ментальной сети). Народные орнаменты как своеобразные знаки в одеждах и на домах были понятны всем в доиндустриальном обществе, поскольку они базировалась на нерасторжимой связи человека с природой. В традициях передавались из поколения в поколения отзвуки языческого представления о мире и представление о его упорядоченности.

Так, крестьянские дома имели общее в причинном круговом процессе, выражавшем символы мироздания. Треугольный контур крыши представлялся небосводом, по которому солнце совершает свой ход, и поэтому его украшали солярными знаками. Также мы видим четыре стороны света – север, восток, юг, запад, четыре части наличников и тоже вокруг окна с обязательным изображением солнца. Но при таком неизменном образном «двойном круге» как гимне солнцу было и множество региональных вариаций в типах наличников и природных символах на них, отражающих местные региональные особенности природы. Сознание крестьян целостно, фиксирует единую систему знаний о мире и направлено, в первую очередь, на прагматическую значимость оцениваемого природного явления и принятии мер предосторожности.

Выводы

Солнечная энергия, поступающая в форме радиации и света, влияет на климат и погоду, составляя основу жизни и круговорота веществ. Без абсорбции солнечной энергии невозможен кругооборот воды и управление ветрами. Солнечная энергия, благодаря фотосинтезу растений, превращается в химическую, являющуюся основой древесины, пищи и биомассы. Чем больше солнца, света и тепла, тем больше будет по цветовому спектру темных непрозрачных тонов.

Глядя на цвета народных костюмов, мы видим те же закономерности. Ближе к югу – наиболее насыщенные цвета в народных костюмах. Для северного костюма мы заметим преобладание золотой вышивки и шитья, неяркий красный цвет; для южнорусского – обилие насыщенного красного света (в воронежском к красно-коричневому, белому цвету добавляется черный вышитый узор).

Для крестьянина природные краски были гармоничным сочетанием природных потоковых процессов и выражением глубоких законов природы. В традиционном крестьянском ландшафте передавалась идея завершен-

< Рис. 3. Праздничный костюм молодой крестьянки Острогожского уезда Воронежской губернии (конец XIX – начало XX в.) [10, с. 28]

ности и целостности мира на основе языческой мифологической системы миропредставления.

Поэтика крестьянской среды связана с учетом причинного процесса круговорота веществ на планете Земля (учет солнечного излучения и солнечного света, литодинамического, водного и ветрового потока и т. п.) и выявления на ментальном уровне:

- географической зональности в постройках, предметах быта, народных костюмах, песнях и т. д.;
- причинного кругового цветового процесса в триаде «природа-население-хозяйство» (между тканями, окрашенным природными красителями, цветом народной одежды, предметами быта, постройками и красками Природы);
- причинного кругового ментального процесса в триаде «природа-население-хозяйство» на символическом уровне (семантика знаков кодировала элементы природы, хозяйственную деятельность и отражалась в орнаментах народной одежды, предметах быта и в архитектурных орнаментах на постройках);
- причинного кругового процесса, связанного с «хождением» солнца по небосводу, в наличниках окон и деталях причелин и полотенец (ветрениц) крыши крестьянского дома на основе украшения солярными знаками;
- мышления паттернами для создания образа как метаболы, отражающего региональные особенности и хороводную картину мира [5];
- принципа подобия форм (природа, народные костюмы, предметы быта, постройки);
- принципа народной колористики – контрастности по насыщенности-светлоте (яркости/бледности) и цветовому тону;
- принципа архитектурной орнаментики – изменение характера орнамента от глухого к сквозному и в сторону большей его геометризации и укрупнения по мере продвижения на север.

В доиндустриальном обществе все жизнеустройство пронизывалось общей хозяйственно-ментальной сетью, и мышление было многомерным. Крестьяне понимали единую образно-семантическую структуру своих поселений, своих жилищ, народных костюмов и предметов быта. Орнаменты как магические знаки-процессы были понятны всем. Каждая точка, черточка, линия в них – это

слово, фраза в представлении о целостном мире. Крестьяне могли считывать систему расположения орнаментов, сформировавшихся почти тысячелетие тому назад (к примеру, изображение кругового процесса движения солнца по небесной сфере на основе знаков на фронтонах домов и в наличниках жилищ).

Народное искусство было неотделимо от народной жизни и составляло с ним единое целое на основе древней языческой образной многомерной системы мышления, в которой транслировалась картина мира. В концепции народной картины мира, транслировавшейся через быт человека, отражались обычаи и традиции народа. На протяжении веков во всем жизнеустройстве народа господствовало мышление, связанное с земледельческим мировоззрением и символикой плодородия. Поэтому мировосприятие в доиндустриальном обществе было целостным, гибким, емким и отражало нерасторжимую связь с Природой. Для крестьян характерно отношение к Земле как Матери.

В индустриальном же обществе мышление стало одномерным, разрушена стройная образная единая семантическая связь жизнеустройства, провозглашалася отказ от традиции и декора; утеряна синкретичность материального и духовного, тождественность человека и природы.

В культуре постмодерна (с 1960-х) становятся важными понятия «традиция» и «экология». Происходит постепенный возврат к ценностям крестьянского ландшафта, базирующегося на синкретизме и органической связи с природой. Но до сих пор в градостроительстве не разработаны положения по созданию нооценоза (по М. Н. Эпштейну) как интеллектуальной единой среды обитания, где в тесной образно-ментальной, хозяйственной и природной взаимосвязи находятся все элементы жизнеустройства в конкретном месте – их природной колыбели, встроенной в процессы Биосферы.

«Каждый природный объект является звеном конкретной цепочки пространственно-временных преобразований. Реки, озера, болота, лесные насаждения, антропогенные объекты связаны непрерывными потоками вещества разного ранга, активно развиваются или деградируют с разной скоростью» [13]. В градостроительстве становится актуальной проблема выявления характера непрерывного потока вещества и энергии в функциональном и эстетическом аспекте.

Градостроительство будущего должно создавать такую среду, где природа, население, хозяйство соединяются в динамическом потоковом процессе и связи в пространстве этих явлений друг с другом. Функционально-ориентированная модель Мира в модерне привела к духовному осуждению человечества. Отказ от опыта предыдущего поколения по организации жизнеустройства – это отказ от процесса общечеловеческого опыта, передающегося на основе традиций, определенной системы знаний, схем восприятия и техник взаимодействия с объектами и получаемых через практики от старших.

Паттерны традиционной деревенской культуры были связаны с предсказуемостью, избыточностью и включенностью в большой структурированный мир культуры и Природы. Жилище, народная одежда, предметы быта крестьян соответствовали его занятиям, быту, климатическим и географическим условиям. И это подчеркивалось в его эстетических представлениях о красоте как о закономерном явлении, обусловленном целесообразностью и утилитарностью. Кибернетически-потоковая поэтика пространства немыслима без представления места как целостной «живой ткани», встроенной в природный и ментальный традиционный тысячелетний контекст (жилище, народные костюмы, предметы быта, особенности хозяйствования), отражающей круговые потоковые процессы в метаболической паутине жизни.

Литература

- Павлова, Н. В. Постмодерн: трансформация коммуникаций // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2014. – № 4(43). – С. 116–121.
- Эпштейн, М. Н. К семиотике пространства. Новые термины и конфигурации. – URL: <https://urania.7iskusstv.com/?p=66> (дата обращения: 25.12.2024).
- Erpek, E., & Kömez Dağlıoğlu, E. (2023). The Oblique Function Theory in search of a dynamic and fluid urban morphology. Journal of Design for Resilience in Architecture and Planning, 4(2), 148–159. – <https://doi.org/10.47818/DRArch.2023.v4i2089>
- Шешнёв, А. С. Что такое «антропоцен»? // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Науки о Земле. – 2017. – Т. 17, вып. 3. – С. 200–206.
- Гаевская, З. Градостроительная кибернетика: образ-метабола // Проект Байкал. – 2024. – № 79. – С. 45–51. – DOI: <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/77.2283>
- Эпштейн, М. Н. Постмодернизм в России. — Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 608 с.
- Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера. – Москва : Айрис-пресс, 2004. – 576 с.
- Ферсман, А. Е. Цвета минералов. – Москва; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1936. – 158 с.
- Семенов-Тян-Шанский, В. П. Район и страна. – Москва; Ленинград : Государственное из-во, 1928. – 311 с.
- Мерцалова, В. Н. Поэзия народного костюма. – Москва : Мол. гвардия, 1988. – 224 с. : ил.
- Адоньева, С. Б., Веселова, И. С., Мариничева, Ю. Ю., Петрова (Матвиевская), Л. Ф. Первичные знаки / Назначенная реальность. – Санкт-Петербург : Проповский центр, 2017. — 336 с. : ил.
- Орфинский, В. П. Деревянное зодчество Карелии. – Ленинград : Страйзанд, 1972. – 120 с. : ил.
- Соколова, Н. В. О проблеме формирования экологического каркаса территорий с учетом системы непрерывных потоков вещества и зон разрядки напряжений разного ранга // Георесурсы. Геоэнергетика. Геополитика. – 2014. – Вып. 2 (10). – URL: https://oilgasjournal.ru/vol_10/sokolova.html (дата обращения: 18.04.2025).

References

- Adonyeva, S. B., Veselova, I. S., Marinicheva, Y. Y., & Petrova (Matviyevskaya), L. F. (2017). *Pervichnye znaki / Naznachennaya realnost* [Primary Signs / Assigned Reality]. Saint Petersburg: Proppov Centre.
- Epstein, M. N. (2019). *Postmodernizm v Rossii* [Postmodernism in Russia]. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus.
- Epstein, M. N. (2022). *K semiotike prostranstva. Novye terminy i konfiguratsii* [To semiotics of space. New terms and configurations]. Uraniya. Retrieved December 25, 2024, from <https://urania.7iskusstv.com/?p=66>
- Erpek, E., & Kömez Dağlıoğlu, E. (2023). The Oblique Function Theory in search of a dynamic and fluid urban morphology. Journal of Design for Resilience in Architecture and Planning, 4(2), 148-159. <https://doi.org/10.47818/DRArch.2023.v4i2089>
- Fersman, A. E. (1936). *Tsveta mineralov* [Colours of minerals]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publishing House.
- Gaevskaya, Z. (2024). Urban cybernotopics: The metabola image. Project Baikal, 21(79), 45-51. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/77.2283>
- Mertsalova, V. N. (1988). *Poeziya narodnogo kostyuma* [Poetry of folk costume]. Moscow: Molodaya Gvardiya.
- Orfinsky, V. P. (1972). *Derevyannoe zodchestvo Karelii* [Wooden architecture of Karelia]. Leningrad: Stroyizdat.
- Pavlova, N. V. (2014). Postmodern society: transformation of communication. The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration, 4(43), 116-121.
- Semenov-Tyan-Shansky, V. P. (1928). *Raiion i strana* [Region and country]. Moscow; Leningrad : State Publishing House.
- Sheshnev, A. S. (2017). What is "Anthropocene"? Izvestiya of Saratov University. Earth Sciences, 17(3), 200-206.
- Sokolova, N. V. (2014). On the problem of the territory ecological skeleton and its forming, with regard to the system of continuous matter streams and the pressure discharge sites, of various ranks. Georesursy. Geoenergetics. Geopolitics, 2(10). Retrieved April 18, 2025, from https://oilgasjournal.ru/vol_10/sokolova.html
- Vernadsky, V. I. (2004). *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere]. Moscow: Iris-press.